

Леонид Андреев

Собачий вальс

Леонид Николаевич Андреев

Собачий вальс

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2805795

Аннотация

«За стеной поют песенку маляры. Песенка тихая, без слов, монотонная.

У письменного стола Генриха Тиле сидит его брат Карл, студент. Квартира новая, еще не вполне отделанная, и комната, в которой находится Карл Тиле, также не закончена. По назначению это гостиная, и уже в соответствующем строгом порядке расставлена новенькая мебель: кресла, полукресла, круглый стол перед диваном, овальное зеркало; но нет ковров, нет драпри и картин. И стоит посередине небольшой стол, накрытый для обеда. Все в комнате угловато, холодно, безжизненно – жизнь еще не начиналась. Слишком сильно блестит новенький рояль, но на пюпитре уже разложены ноты. Карл Тиле один; возится у стола с отмычкой...»

Содержание

Действующие лица	4
Действие первое	5
Конец ознакомительного фрагмента.	27

**Леонид Николаевич
Андреев
Собачий вальс
*Поэма одиночества***

Действующие лица

Генрих Тиле.

Карл Тиле.

Елизавета.

Александров, по прозвищу Феклуша.

Счастливая Женя.

Тизенгаузен Андрей Андреевич.

Ермолаев Дмитрий Иванович.

Иван, лакей.

Маляры.

Четыре действия; в третьем действии две картины.

Действие первое

За стеной поют песенку маляры. Песенка тихая, без слов, монотонная.

У письменного стола Генриха Тиле сидит его брат Карл, студент. Квартира новая, еще не вполне отделанная, и комната, в которой находится Карл Тиле, также не закончена. По назначению это гостиная, и уже в соответствующем строгом порядке расставлена новенькая мебель: кресла, полукресла, круглый стол перед диваном, овальное зеркало; но нет ковров, нет драпировки и картин. И стоит посередине небольшой стол, накрытый для обеда. Все в комнате угловато, холодно, безжизненно — жизнь еще не начиналась. Слишком сильно блестит новенький рояль, но на пюпитре уже разложены ноты. Карл Тиле один; возится у стола с отмычкой.

Карл. *Маляры поют. (Легким свистом вторит тихой песенке без слов. Затем негромко ударяет ладонью по столу и произносит:)* — Так. *(И еще два раза через равные промежутки сосредоточенно ударяет ладонью по столу, произнося:)* Так. — Так. *(После некоторой паузы:)* Вот я сейчас открыл отмычкой стол у брата Генриха, искал денег, чтобы взять. Но нашел только двадцать пять рублей. Этого мало. *(И снова равномерно и сосредоточенно ударяет ладонью:)* Так. —

Так. — Так. — Интересно: знает ли брат мой Генрих, — Генрих Тиле, — что я шулер, живу игрой, краду — ищу женщину, чтобы поступить к ней на содержание? Нет, не знает. Он не умный человек, брат мой Генрих. Нет. Нет. Теперь он подумает, что двадцать пять рублей украли маляры, или ничего не заметит, подумает, что ошибся. Брат Карл! — говорит он. — Брат Карл! Так. А мог бы я — если бы у Генриха были большие деньги, о, очень большие, конечно! — и если бы можно незаметно, о, незаметно, конечно! — мог бы я убить Генриха, брата моего Генриха Тиле? — Надо пройти по комнате. *(Встает и два раза проходит по комнате взад и вперед: длинный, прямой, в длинном студенческом сюртуке, широко и деревянно висящем на выдавшихся лопатках. Гладко причесанную, лоснящуюся голову подпирает непомерно высокий темно-синий воротник. Лицо Карла сухо, несколько сурово, правильно и строго прилично. Снова садится у стола и трижды ударяет ладонью, произнося:)* Так. — Так. — Так. — Маляры поют. Печальная песенка. Нет, тихая песенка. Я шулер, но я люблю печальное, а у брата Генриха нет вкуса, он бездарен. И новая квартира его ужасна. И есть в ней что-то, что располагает к преступлению. Маляры поют.

Слегка подсвистывает песенке. Слышит стук дверей в прихожей, голоса и, встав неторопливо, теми же прямыми шагами прохаживается по комнате. Входят: Генрих Тиле и его сослуживцы — Ермолаев, Дмитрий Иванович, кряжи-

стый человек русской складки, с большой бородой, и Тизенгаузен, Андрей Андреевич. Позади всех, счастливо и смущенно улыбаясь, идет Феклуша – таково его прозвище – товарищ Генриха Тиле по первым классам гимназия.

Тиле. Здравствуй, Карл. Как ты поживаешь?

Карл. Здравствуй, Генрих. Спасибо. А ты как?

Тиле. Благодарю, очень хорошо. Господа, вы все знакомы с братом моим Карлом? Карл, это мои товарищи по банку, весьма уважаемые мною люди.

Тизенгаузен. Здравствуйте, Карл Эдуардович.

Ермолаев. Ермолаев. Очень приятно познакомиться. Вы очень похожи на вашего старшего брата, чрезвычайно.

Тиле. О да, мы очень схожи. Славный парень, серьезный работник. А этот господин, Карл, называется Феклуша – ты уже познакомился? Он называется Феклуша. *(Смеется.)* Мы учились вместе в Петершуле¹, и его выгнали из второго класса, и в жизни ему не повезло. Феклуша, тебя выгнали из второго класса, а? *(Смеется.)*

Феклуша. Из третьего, Генрих Эдуардович. По неспособности; поведения я был отличного.

Тиле. Он говорит: по неспособности! *(Смеется.)* И вчера я встретил его на Невском: был сильный дождь, и уже про-

¹ *Петершуле* – Peterschule – училище св. Петра. Так называлось основанное в Петербурге в XVIII в. немецкое среднее учебное заведение при лютеранском соборе Петра и Павла.

шло двадцать лет, как мы расстались, но я его узнал. И он шел очень быстро. Ты бежал, Феклуша?

Феклуша. Дождь, Генрих Эдуардович, а я без зонтика. Бежал.

Тиле. И на сегодня я пригласил его к обеду. Но прошу извинить, господа, если обед будет не таков, каким желал бы вас угостить на моей новой семейной квартире. Это мой первый не ресторанный обед, и я не могу поручиться за опытность моей новой кухарки.

Ермолаев. Ну что вы, Генрих Эдуардович, какие могут быть извинения! Только бы мы вас не стеснили.

Тиле. О нет. Я рад.

Тизенгаузен. Какие извинения! Наоборот, я очень польщен, Генрих, что ты позвал меня к первому твоему не ресторанному обеду. Когда ты женишься и у тебя будет порядок, ты забудешь старого друга Андрея Тизенгаузена.

Тиле. У меня будет порядок, но я никогда не забываю старых друзей. Сиди спокойно и кури твою сигару.

Ермолаев (*Карлу*). Не вас ли я видел, Карл Эдуардович, на прошедшей неделе у Донона²? Вы сидели еще с каким-то офицером, кажется, гвардейцем, и барыней.

Карл (*лжет*). Нет. Я не бываю у Донона.

Тиле. Карл не может посещать таких дорогих ресторанов.

² *Донон* – один из самых шикарных ресторанов старого Петербурга. В начале XX в. имя Донона носили два заведения. Один, так называемый «Старый, или Большой Донон», располагался на Благовещенской пл., д. 2 (ныне – пл. Труда), другой – «Донон и Бетан» – на Мойке, д. 24.

Ермолаев. Тогда я ошибся, простите. Но очень похоже.

Тиле. Нет, вы ошиблись, Дмитрий Иванович. Ну как же ты работаешь, Карл, я хочу слышать о твоих успехах.

Карл (*лжет*). Вчера я сдал второй зачет.

Тиле. О! Это хорошо. Ты – серьезный работник. Но не мешает ли вам эта песенка, господа, я снова ее слышу. Это поют мои маляры.

Тизенгаузен. Но это без слов! Я даже не подумал бы, что это называется песней.

Ермолаев (*прислушиваясь*). Нет, славно! Есть что-то такое... ямщицкое. Ведь мой отец ямщиком был, Генрих Эдуардович.

Тиле. И мне кажется, что хорошо. Хотя мой отец по происхождению швед, но я уже давно чувствую себя русским, и я это понимаю. Это – русская тоска.

Тизенгаузен. Хотя моя фамилия Тизенгаузен, но я даже не умею говорить по-немецки, я – русский. Тем не менее извини меня, Генрих, – я не понимаю, что это значит: русская тоска?

Тиле. О, это надо чувствовать.

Тизенгаузен. А ты чувствуешь?

Тиле. Сейчас – нет. О, теперь я так счастлив, что не могу чувствовать никакой тоски: русской, шведской, немецкой...

Все смеются.

Тизенгаузен. Вот это настоящие мужественные слова, Генрих! Но пока светло – не покажешь ли ты нам свою новую квартиру? Я умираю от любопытства, я хочу видеть, как ты вьешь свое гнездо: берегись, Генрих, я старый и опытный самец.

Тиле. Нет, ты меня не испугаешь, старый ворчун! (*Смеется.*) Я еще только счастливый жених, но ты увидишь, какой у меня строгий план. О, ты увидишь!

Ермолаев. Да, приятно бы взглянуть.

Тиле. Прошу вас следовать за мной. Карл, будь добр, посиди с моим Феклушей, пока я буду показывать. Пожалуйста, кури, Феклуша, папиросы на столе.

Выходят. Феклуша, стесняясь, берет папиросу. Карл зажигает и подает ему спичку, в то же время откровенно и холодно рассматривает его.

Феклуша (*тянется к спичке*). Очень благодарен, я сам...

Карл. Пожалуйста. Почему вас так нелепо зовут: Феклуша? Это женское имя.

Феклуша. Как вам доложить, Карл Эдуардович? Вероятно, за характер... Я всегда был несколько робок, склонен к слезам, а равным образом – излишне тороплив, поспешен в мыслях.

Карл. Почему – равным образом?

Феклуша. Так говорится.

Карл. Нет, так не говорится. Но сегодня вы не торопливы. Вы где служите?

Феклуша. Как вам сказать, Карл Эдуардович? В полиции.

Карл. Что такое?

Феклуша. Нет, нет, я в канцелярии градоначальника, по паспортной части. Генрих Эдуардович знают.

Карл. Много получаете?

Феклуша. Сорок рублей, ну с наградными и так вообще выйдет рублей девяносто. Сущие пустяки.

Карл. Большая семья?

Феклуша. Огромная.

Карл. А отчего вы не поступите в филеры³? Это выгоднее, вы могли бы зарабатывать.

Феклуша. Вы шутите! Как можно!

Карл. Нет, я говорю серьезно. Для провокации вы едва ли годитесь, но филером можно бы, не боги горшки обжигают. Сколько зарабатывает хороший филер?

Феклуша. Пустяки, дешевый заработок.

Карл. Нет – а хороший?

Феклуша. А если действительно хороший, то – огромные деньги, Карл Эдуардович! Ну раз вы так дружески, то признаюсь, как перед отцом родным: пробовал, пытался, но...

Карл. Что же: но?

Феклуша. Не выходит, Карл Эдуардович! Способностей никаких нет, ни к чему хорошему не способен. То-то и

³ *Филер* – полицейский агент, сыщик.

несчастье мое, в том-то и осуждение судьбы, что – никаких способностей!

Карл. Никаких?

Феклуша. Ни малейших! Кругом, знаете, такое, что дай бы мне Господь истинный талант, я мог бы вполне обеспечить семью. А без таланта сколько ни бегай, сколько ни гомозись, лишней копейки не выбегаешь. Куда уж!

Карл. А вы, Феклуша, могли бы сделать или добыть – я не знаю, как у вас выражаются – добыть фальшивый заграничный паспорт?

Феклуша. Нет. Не сумею! Куда уж мне!

Карл. Но если постараться, имея в виду хорошие деньги?

Феклуша. А вам зачем?

Карл. На всякий случай всегда нужно иметь заграничный паспорт. – Нет, я шучу, конечно. Вы действительно бежали, когда вас встретил брат Генрих?

Феклуша. Вы смеетесь, Карл Эдуардович. Я, извините, не совсем понимаю ваш разговор.

Карл. Нет, Феклуша, я не смеюсь. Разве я похож на человека, который любит смеяться? Генрих просил меня занять вас, и я вас занимаю. Брат Генрих намерен покровительствовать вам?

Феклуша. Был бы безмерно счастлив! Они говорили, что оказывают денежную поддержку брату – это вам, Карл Эдуардович?

Карл. Мне. Но мне больше нравится говорить о вас,

Феклуша. Скажите: когда вы были агентом, вам часто приходилось иметь дело с убийцами?

Феклуша. Убийцами?..

Разговаривая, входят Тиле и его гости. Тиле смеется.

Тиле. Ты поражен, старый ворчун? Позвольте отряхнуть ваш костюм, вы запачкали рукав, Дмитрий Иванович.

Карл. Я принесу щетку.

Ермолаев. Не стоит беспокоиться, право, пустяки.

Тиле. Нет, он принесет. Карл, принеси. Ну каково, господа? *(Счастливо смеется.)*

Ермолаев. Чудесная квартирка, Генрих Эдуардович.

Тизенгаузен. Да, ты меня поразил, Генрих.

Тиле. В столовой у меня будут обои под дуб; впоследствии я заменю их дубовой фанерой. Детская у меня, повторяю, выходит окнами на солнце, и в ней будет всегда светло. Это гигиенично и в Петербурге необходимо. К сожалению, в моем детстве я видел слишком мало солнца, и я хочу, чтобы у моих детей света было в изобилии. Солнце необходимо.

Тизенгаузен. Но ты так говоришь, Генрих, как будто у тебя уже есть дети, целая куча. Это самоуверенность холостяка, Генрих!

Тиле. Они будут.

Вошел Карл со щеткой.

Позвольте, Дмитрий Иванович. Карл почистит вам рукав. – Они будут, Андрей. Я уже приобрел детскую кроватку, через неделю она будет стоять на месте и ждать своего господина. *(Смеется.)*

Ермолаев. А когда свадьба ваша, Генрих Эдуардович?

Тиле. Через неделю будет готова квартира, через семнадцать дней, считая от нынешнего числа, будет свадьба. Сегодня с дневной почтой – минут через двадцать, к обеду, – я получу письмо от Елизаветы, где она сообщает мне точно о дне своего приезда. Елизавета поехала в Москву повидаться со своими родителями. Теперь эта комната, Андрей. Вот здесь будут ковры. – Здесь будут портреты. – В этих вазах у меня всегда будут живые цветы.

Тизенгаузен. Это уже роскошь, Генрих.

Тиле. Живые цветы не роскошь, Андрей. – Вот здесь, над роялем, будут две гравюры – пока я не имею средств на картины: голова Бетховена и известный «Концерт» Джорджоне⁴. Ты смотришь, Феклуша?

Феклуша. Во все глаза.

Тиле *(смеется)*. Он говорит: во все глаза! А вот здесь, Андрей, в этом углу будет стоять кресло, на котором я буду тихо сидеть, пока Елизавета будет играть мне Бетховена и Грига. Ты видишь: я уже положил ноты, по которым она в

⁴ «Концерт» Джорджоне – знаменитая картина Дж. Джорджоне «Сельский концерт», находится в Лувре.

первый раз сыграет мне, пока я тихо буду сидеть на своем кресле. *(Стряхивает пыль с нот и снова осторожно и любовно ставит их на место.)* Но какая пыль!

Тизенгаузен. Это от рабочих, Генрих.

Тиле. У меня не будет пыли. — Ты имеешь рояль, Феклуша?

Феклуша. Откуда ж мне, Генрих Эдуардович?!

Тиле *(смеется)*. Он говорит: откуда! Хочу сказать тебе, Андрей, что этот уголок, где я буду тихо сидеть и слушать — есть моя особенная радость.

Ермолаев. Квартира по контракту?

Тиле. Да. Контракт на три года с правом возобновления — я не хочу менять жилище через каждые три года. Да, Андрей, у меня ум сухой и практический, я не имею способностей к музыке, но я чрезвычайно люблю ее, как и брат Карл.

Карл. Но ты же сам играешь, Генрих.

Тиле. Что? Ты шутишь, Карл?

Карл. Ты забыл? Но ты имел большой успех в нашей детской.

Тизенгаузен. Так вот ты какой, Генрих Тиле! Мы думаем в банке, что ты только великолепный финансист, единственная голова для цифр, а ты, оказывается, умеешь обращаться с нотами. Ты Моцарт, Генрих!

Тиле *(смеется)*. Не так важно, Андрей. Да, я вспомнил: это маленькая штучка, которую я играю двумя пальцами, меня мама научила, когда я был ребенком. Это называется

весьма неприлично: «Собачий вальс».

Карл. Ты бы сыграл нам, Генрих.

Тиле (*грозит пальцем*). Но, но, Карл!

Тизенгаузен. Нет. Ты должен! Не правда ли, Дмитрий Иванович, он должен сыграть нам, иначе мы обидимся и уйдем.

Ермолаев. Вот какие у вас таланты, Генрих Эдуардович, не ожидал! А мы сидим в банке и не знаем ничего. Сыграйте!

Тиле (*смеется*). Но, но... вынужден, однако, сознаться, что Елизавете мой «Собачий вальс» очень нравится, очень!

Все смеются.

Карл. Итак, Генрих!

Тиле. Карл, ты насмешник. (*Шутливо.*) Но раз публика требует... (*Садится за рояль, говорит шутливо-торжественно.*) Прошу публику слушать внимательно: вот я сыграю «Собачий вальс».

Играет «Собачий вальс». Во время игры сидит очень прямо, серьезен, лицо неподвижно, как каменное, — но, кончив, раздражается веселым смехом. Пока он за роялем, Карл рассматривает его холодно и внимательно, затем первый рукоплещет... Общие рукоплескания — но так как слушающих мало, звук разорван и жидок.

(Кланяясь шутовски.) Дамы и господа – ваш нижайший слуга! На бис ничего не могу сыграть, но, кто желает повторения моей музыки, тех прошу пожаловать через семнадцать дней на бракосочетание Генриха Тиле и девицы Елизаветы Молчановой. Тогда я еще раз сыграю. *(Смеется и закрывает крышку рояля.)*

Феклуша. В котором часу свадьба, Генрих Эдуардович?

Тиле. В половине восьмого, Феклуша. В половине восьмого, не опоздай! Но все это ты узнаешь из приглашений, которые уже печатаются.

Тизенгаузен. Ты счастлив, Генрих?

Тиле. О да, мой друг! Позволь пожать твою руку – но молча, молча, Андрей. Вот так. А теперь, господа, не чувствуете ли вы, что червячок после моей музыки шевелится сильнее? Он просит кушать. Карл, брат, пожалуйста, скажи моей новой кухарке, что через десять минут мы будем готовы проэкзаменовать ее.

Карл. Я иду. *(Выходит и скоро возвращается.)*

Тиле. Ты хочешь кушать, Феклуша?

Феклуша. Да, не помешает.

Тиле *(смеется)*. Он говорит: не помешает! А коньячок видишь, Феклуша: это тоже не мешает?

Феклуша. А это очень даже не мешает.

Все смеются.

Тизенгаузен. Вы, вероятно, думаете, что друг вашего детства, Генрих Тиле, так-таки ничего и не пьет, кроме святой воды? Тогда вы очень ошибаетесь: он пьет коньячок.

Тиле (*смеется*). Он пьет коньячок.

Феклуша (*смеется*). Приятное занятие. Уж нечего, видно, таиться: при общей моей неспособности этот талант... (*вздыхает*) имею.

Ермолаев. Но вот удивительно, Генрих Эдуардович: восемь лет я вас вижу, и в ресторанах вместе бывали, и никогда не замечал вас выпившим.

Тиле (*смеется*). Разве?

Ермолаев. Никогда.

Тизенгаузен. И не увидите, Дмитрий Иванович, Это такая крепкая голова, какой еще свет не создавал.

Тиле. Ты думаешь? – Но ты прав. И скажу еще... Господа, звонок. Это почтальон и письмо от Елизаветы. Карл, прошу тебя...

Карл выходит. Тиле сдержанно волнуется.

Итак, ты любишь коньячок, Феклуша?

Карл (*входя*). Письмо из Москвы, заказное, распишись, Генрих. Здесь.

Тиле (*расписываясь*). Это я всегда просил, чтобы заказные. Вот двадцать, копеек почтальону, Карл. Так. Теперь нам пишут из Москвы... (*Разрывая конверт.*) Вы позволите, гос-

пода?

Тизенгаузен. Но разве можно влюбленному запретить? Читай, Генрих, нас здесь нет.

Тиле медленно и долго читает. При первых же строках бледнеет и постепенно бледнеет все страшнее. На него никто не смотрит, кроме Карла.

Ермолаев (*тихо*). Чудесная квартирка? Теперь такую вообще трудно сыскать.

Феклуша. Сейчас к квартирам и приступу нет, просто беда.

Тизенгаузен. У вас семья?

Феклуша. Огромная!

Карл (*громко*). Тебе нехорошо, Генрих?

Все испуганно смотрят на Тиле. Он встает, делает два шага – не огромной силой молча бьет кулаком по обеденному столу. Падают бутылки и стаканы. Все вскакивают.

Генрих!

Тизенгаузен. Генрих!

Так же молча и с той же силою Тиле вторично ударяет по столу. Стоит молча, обводя всех красными глазами, как бы ища, на кого броситься.

Ермолаев. Воды ему...

Тиле. Не надо.

Тизенгаузен. Генрих! Милый мой Генрих! Что-нибудь ужасное?

Тиле. Нет, не ужасное.

Карл. Генрих, успокойся.

Тиле. Я спокоен.

Тизенгаузен. Нет, это что-нибудь ужасное. Милый мой Генрих! Мы здесь! Мы все твои друзья, Генрих!..

Тиле. Я должен извиниться, но обеда у меня сегодня не будет. Карл, скажи новой кухарке, что она может идти домой...

Карл выходит и вскоре возвращается.

Тизенгаузен. Ну какой там обед. Ты не должен заботиться о пустяках, Генрих.

Ермолаев. Какой обед, Генрих Эдуардович?

Тиле. Обеда сегодня у меня не будет. *(Снова неожиданно ударяет по столу.)*

Тизенгаузен *(почти плача).* О Боже мой! Какое несчастье, Генрих!

Тиле. Да? Я больше не буду. Вот очень странное письмо, Андрей. Здесь или написано не то, или я не умею читать письма. Прочти, Андрей, и скажи мне: быть может, я ослеп?

Тизенгаузен (*читает*). Нет, ты не ослеп, бедный Генрих.
(*Читает.*) Нет, это невозможно.

Тиле. И там сказано это: я продолжаю любить вас?..

Тизенгаузен. Сказано, сказано, Генрих!

Тиле. Так. Значит, я не ослеп. И там сказано это: но по настоянию моих родителей я выхожу...

Тизенгаузен. О Боже: уже вышла, Генрих! Уже вышла!

Тиле. Уже вышла замуж за богатого человека. Как его фамилия, Андрей?

Тизенгаузен. Фамилии нет.

Тиле. Фамилии нет. Так. И какая подпись, Андрей?

Тизенгаузен (*читает*). «Твоя недостойная Елизавета».

Тиле. Недостойная Елизавета: так. Недостойная Елизавета. (*Неожиданно и с силой бьет по столу.*) Недостойная Елизавета!

Тизенгаузен. Но добрый друг мой, мой несчастный друг!

Карл. Генрих, мужайся!

Тиле. Я больше не буду.

Ермолаев. Да и не стоит, Генрих Эдуардович. Дело житейское, еще лучше невесту себе найдете.

Тиле. Я не буду. Но не находишь ли ты, Андрей, что это выражено с необыкновенной точностью: недостойная Елизавета. Кто? – недостойная Елизавета. Кто? – Генрих Тиле. И еще кто? – Недостойная Елизавета. Тебе не хочется смеяться, Феклуша?

Феклуша (*испуганно*). Нет, Генрих Эдуардович.

Тиле. И не надо. Я не допущу смеха. Но не находишь ли ты, Андрей, что и все письмо составлено в очень точных выражениях?

Тизенгаузен. Извини, Генрих, но, по моему мнению, мнению честного человека – это подлое письмо. Да!

Тиле. А по моему мнению, это просто очень точное письмо. Генрих Тиле любит точность, он во всю свою жизнь не ошибся ни в одной копейке, не сделал неверного сложения, не подчистил ни одной цифры, – и вот Генриху Тиле пишут точное письмо. И подписывают его: недостойная Елизавета. Но я хотел бы остаться один, господа.

Тизенгаузен. Но как же ты останешься один, мой бедный друг?

Тиле. Ничего. Я останусь один.

Карл. Хочешь, я побуду с тобою, брат?

Тиле. Нет, Карл, ты мне не нужен. До свиданья. Завтра увидимся в банке. – Карл, мне нужно сказать тебе два слова. *(Тихо.)* Карл, вот тебе деньги, пожалуйста, поведи этих господ в ресторан и угости их хорошим обедом.

Карл. Я могу пожать тебе руку, брат?

Тиле. Едва ли это зачем-нибудь нужно, но – пожалуйста. Крепче жми.

Карл. Я крепко жму.

Тиле *(усмехаясь)*. Нет, еще крепче.

Карл. Я жму... Чего ты хочешь?

Странное соревнование в силе. Остальные смотрят с беспокойством.

Тиле. Изо всей силы! Жми еще.

Карл. Я крепче не могу.

Тиле. А я? *(Нажимает.)*

Тизенгаузен. Не надо же, Генрих, пусти его.

Карл. Генрих, пусти.

Тиле *(усмехаясь)*. А я?

Карл *(бледнея и корчась)*. Мне больно. Пусти. Ты сломаешь мне руку.

Тиле выпускает руку брата и смеется.

Тиле. Ты очень сильный, Карл.

Карл. Мне не нравятся такие шутки, Генрих.

Тиле *(хмурясь)*. Извини, Карл. Это действительно нехорошо. Извини. До свиданья, господа. Дверь закрывается сама, я не выйду вас провожать. Еще раз прошу тебя, Карл, извинить меня.

Все нерешительно уходят, поочередно, с разным выражением, пожимая руку хозяина. Тиле остается один, ходит по комнате. Он высокого роста, грузный, в темном сюртуке с круглыми фалдами, в серых брюках, с твердой, крепко наглаженной складочкой – его обычный костюм. Все но-

вое, крепкое, и так же новы начищенные ботинки на толстой подошве и высоких каблуках. Лицо Генриха Тиле правильно, смугло, корректно до суровости; глаза темные, малоподвижные. Короткие волосы и небольшие усы черны, как у южанина. Снова поют маляры... Тиле останавливается, вслушивается.

Что еще? Кто еще? Что там? (*Слушает – и внезапно с яростью ударяет по спинке кресла.*) Перестать.

Песенка продолжается, – тихая, печальная, монотонная. Тиле подходит к двери и кричит:

Эй, вы там! Перестать! Больше работать не надо! Ступайте домой. (*Опять ходит по комнате, останавливается, снова ходит, с нетерпением поглядывая на дверь.*) Это называется: русская тоска. Какая чепуха: русская тоска. Разве есть еще шведская тоска? Ну тогда – у меня шведская тоска. Кто? – Генрих Тиле. Кто? – Недостойная Елизавета. А еще кто? – А еще Генрих Тиле, Генрих Тиле... о Боже мой!

Вздыхает, присвистывая, как при зубной боли. Двумя тенями в густейших сумерках тихо проскальзывают маляры: двое испуганных.

Постойте! Больше не надо работать, уже темно, ничего не

видно, и скажите хозяину, что вообще не надо работать. Куда? Идите здесь, там нет никого. Дверь запирается сама.

Маляры уходят. Тиле бродит по комнате, заходя в неожиданные углы, постукивает в стену, словно ища какую-то забытую дверь. Постепенно сливается с нарастающим мраком.

Там нет никого, и здесь нет никого. Один. О Елизавета, Елизавета! Один. Теперь я могу все бить – ломать – бросать на землю (*что-то бросает*) – разрушать: и никто меня не остановит. Я могу убить все вещи. Вот рояль...

Под сильным ударом звенит рояль.

Как зазвенело. А если еще?

Снова удар, и снова звенит рояль.

Как звенит! А когда я ударил по столу, они испугались и закричали: Генрих, Генрих! Вероятно, я ударил очень сильно, у меня болит рука. Тогда закричали, а теперь никто и не закричит: я могу бить, – ломать – разрушать. Никто меня не остановит, я один. И я могу взять в столе револьвер, приложить к виску и выстрелить. Что тогда? Тогда буду до утра лежать на полу, потом кто-нибудь сломает дверь – кто?

Молчание.

Нет.

Молчание.

Нет! – Но она уже вышла замуж, Боже мой; Боже мой! Боже мой! Уже вышла, уже – уже – уже! Боже мой! Я этого не подумал. Что же мне делать, как я буду, как же я буду целую ночь – целую ночь? Она уже вышла – как же я буду целую ночь? Теперь еще рано, только что смерклось: как же я буду целую ночь! Елизавета... Лиза!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.